

Ю.Г.Коргунюк
**КАК ПРОИГРЫВАЮТ
ДОМИНИРУЮЩИЕ ПАРТИИ,
ИЛИ ЧЕМУ УЧИТ
МЕКСИКАНСКИЙ ОПЫТ**

Greene K.F. *Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2007

Ключевые слова: доминирующая партия, авторитарный доминантный режим, «ресурсная» концепция

Исследователям известно, что если некий случай легко вписывается в уже существующую схему, то, скорее всего, он просто недостаточно изучен. Тем не менее мало что так полезно, как знакомство с опытом коллег, работающих с похожим материалом. В этом плане книга профессора Техасского университета Кеннета Грина, анализирующая обстоятельства конца эпохи Институционально-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional), должна заинтересовать всех, кто изучает современную российскую политику, поскольку общие черты в партийных системах Мексики и РФ очевидны и отечественной литературой уже отмечены¹.

¹ Гельман 2006а: 62—71.

Анализируя мексиканский опыт, Грин сформулировал, а затем проверил на материале других стран оригинальную теорию партийного доминирования — весьма интересную, хотя и не бесспорную. Сам автор главным своим достижением считает разработку «ресурсной» концепции партийного доминирования (с. 301), однако не менее любопытными представляются и другие его идеи, связанные, в частности, с определением положения доминирующей и оппозиционных партий в политическом спектре, а также с выявлением того, как это положение связано с их позицией на осях ведущих размежеваний. И хотя два последних фактора играют для Грина подчиненную роль, их самостоятельное значение не следует недооценивать.

Интересны и нюансы, внесенные автором в определение доминантных партийных систем. Он видит в них некие гибриды, сочетающие значимый уровень электоральной конкуренции с доминированием одной из партий в течение четырех последовательных избирательных циклов (на протяжении как минимум 20 лет) (с. 12).

Основное внимание Грина сосредоточено на авторитарных доминантных режимах (dominant party authoritarian regimes), определяемых также как конкурентные авторитарные режимы (с. 14—15). Признавая

открытость электорального пространства данных режимов для оппозиционных партий, автор вместе с тем подчеркивает, что выборы в таких системах носят несправедливый характер, поскольку имеющиеся в распоряжении доминирующих партий преимущества, прежде всего монополия на патронажные ресурсы, делают их победителями еще до дня голосования (с. 14).

Грин считает нужным особо остановиться на роли, которую в авторитарных доминантных режимах играют фальсификации итогов выборов и репрессии против оппозиционных сил. Не отрицая наличия подобных эксцессов, он в то же время советует не преувеличивать их значение. Если бы шансы оппозиционеров на победу были равны нулю, последние создавали бы не легально действующие партии, а революционные организации и социальные движения, ставящие целью изменение существующего строя. Да и самим доминирующим партиям нет смысла прибегать к массовым фальсификациям в условиях, когда они могут в массовых масштабах подкупать избирателя, — особенно если учесть издержки, связанные с осуществлением таких фальсификаций (с. 42—43). По той же причине, считает автор, доминирующие партии не испытывают нужды в широком применении репрессий, предпочитая более тонкие методики контроля над оппозицией, суть которых можно выразить формулой «два пряника и лишь потом кнут» (с. 45).

Другими словами, основные ресурсы доминирующей партии лежат в сфере не государственного насилия, а политической экономии и заключаются в контроле над обширным государственным сектором (с. 6). В этом, собственно, и заключается смысл сформулированной Грином «ресурсной» концепции партийного доминирования. Следует отметить, что, используя данную концепцию, автор не всегда достаточно последователен. Можно даже сказать, что он излагает две версии этой концепции — узкую и широкую. В первом случае Грин говорит о государственном секторе как основной ресурсной базе доминирующих партий, во втором — о более широких возможностях, проистекающих из их властных полномочий (прямое направление бюджетных денег в партийную казну, помощь лояльному бизнесу, бесплатное пользование государственным транспортом, помещениями, почтовыми услугами, телефоном и т.п.) (с. 40—41). Однако чаще он обращается именно к узкой трактовке, подчеркивая связь между приватизационными процессами и началом упадка доминирующей партии — вследствие ограничения ее доступа к государственным средствам, без которых патронажная сеть, как машина без смазки, начинает давать сбой (с. 33—34).

Так или иначе, суть «ресурсной» концепции заключается в том, что монопольный доступ к государственным ресурсам обеспечивает доминирующей партии гипервозможности и снижает шансы оппозиционных партий на победу, причем не только потому, что заставляет их вести жизнь пауперов (в условиях монопольного контроля одной партии над правительством частным спонсорам невыгодно поддерживать оппозицию), но и потому, что выталкивает их из центра на обочи-

ну политического спектра, на электорально невыгодные «экстремистские» позиции (с. 28).

Лишенная возможности обращаться к широким слоям избирателей, оппозиция обречена на «нишевое» существование и вынуждена иметь дело только с «ядерным» электоратом, ограниченным жесткими идеологическими, географическими или этническими рамками. В результате она опирается лишь на специфические группы избирателей, поддержки которых недостаточно для победы в общенациональном масштабе. Оппозиционные партии фокусируют внимание на второстепенных размежеваниях, тогда как в главных занимают слишком крайние и к тому же полярно противоположные позиции, что исключает координацию их усилий (с. 36—37).

Здесь, как видим, Грин прибегает к помощи модели размежеваний — это тем более интересно, что многие российские политологи, сформировавшие свои воззрения под влиянием американской политической науки, в принципе отрицают «эвристическую ценность» данной модели применительно к анализу современных реалий². Американец же Грин, при том что эта теоретическая схема и в самом деле не особенно популярна в США, при анализе расстановки сил в политическом пространстве Мексики пользуется именно ею. И неудивительно: если исходить из того, что значимые политические противостояния не могут быть сведены к индивидуальной борьбе за власть и в их основе всегда лежит некий конфликт общественных интересов, то без модели размежеваний никак не обойтись.

Вернемся, однако, к положению оппозиционных партий в авторитарных доминантных системах. Причину, толкающую их к полюсам политического спектра, Грин видит в том, что из-за риска репрессий и отсутствия материального выигрыша в их ряды вступают лишь люди, готовые заплатить за это высокую цену и, следовательно, движимые чувством глубокого отторжения существующих порядков (с. 58). Эти люди руководствуются в первую очередь желанием выразить свою позицию, каковое, по мнению автора, в нормальной политической практике свойственно не партиям, а социальным движениям и группам интересов (с. 124). Здесь мы обнаруживаем свойственное американской политической науке отношение к партиям как организациям, преследующим исключительно краткосрочные прагматические цели. Поэтому, объясняя, что оппозиционные партии руководствуются не только соображениями инструментальной выгоды, но и стремлением отстоять свою позицию, Грин, с точки зрения российского читателя, ломится в открытую дверь. В России, напротив, принято считать, что главное в партии — это ее программа. И если политологи постепенно отходят от такого убеждения, то в общественном сознании оно пока еще довольно устойчиво.

Отсюда и ряд «открытий» автора, которые для российских (как, впрочем, и для европейских) партологов являются чем-то вроде азбучных истин. Так, Грин вычленяет внутри оппозиции две основные груп-

² *Голосов 1999: 94—97; Гельман 2006б: 49; Калинин 2006.*

пы активистов, подразделяя последних на «карьерно ориентированных» (office-seekers) и «программно ориентированных» (message-seekers). Первые ищут инструментальной выгоды, то есть победы на выборах, вторым важнее выразить свою позицию — они предпочитают оставаться за сценой, разрабатывая партийную платформу, расширяя базу партийной поддержки, в общем — борясь за сердца и души (с. 125—126). И хотя автор всячески отмежевывается от Анжело Панебьянко (по мнению Грина, деление на «программно» и «карьерно» ориентированных не следует отождествлять с делением на «идейных» и «прагматиков» у Панебьянко, ибо «идейные» — это якобы «экстремисты», тогда как «программно ориентированные» могут быть и центристами), по большому счету в обоих случаях речь идет об одном и том же, поскольку итальянский политолог, как и Грин (с. 129), говорит именно о ценностях, а не о содержании убеждений.

Введение понятий «карьерно ориентированные» и «программно ориентированные» политики помогает автору объяснить, почему оппозиционные партии в доминантных системах выталкиваются к полюсам политического спектра. В условиях, когда шансы оппозиции на победу низки, те ее активисты, которые ориентируются на прохождение в парламент, занимают даже более крайние позиции, нежели те, кто сосредоточен на внутрипартийной работе (с. 139—140). (Грин не объясняет, почему это происходит, но, видимо, имеется в виду, что чем радикальнее оппозиционер, тем легче ему заручиться поддержкой «ядерного» электората.)

Выдвинутые автором положения тестируются на материале истории мексиканской партийной системы 1930—2000 гг. и, следует признать, находят вполне убедительное подтверждение.

Грин отвергает обе крайности в оценке мексиканского политического режима в период правления Институционально-революционной партии: с одной стороны, преувеличение его демократизма (тогда почему, спрашивает автор, оппозиционные партии раз за разом терпели поражение?), с другой, преувеличение его авторитарности (тогда почему эти партии возникали вообще?) (с. 4—5). По мнению Грина, это была типичная авторитарная доминантная система, сочетавшая значимые, но несправедливые выборы с локальным и эпизодическим применением репрессий в отношении оппозиции (с. 299).

Фундаментом системы, согласно излагаемой концепции, являлся контроль ИРП над государственной бюрократией, позволявший использовать в партийных целях государственные финансы (с. 101—102). Благодаря монопольному главенству в политической системе Институционально-революционная партия располагала следующими ресурсами: 1) средства государственных предприятий, тайные фонды исполнительной власти, деньги, выделяемые непосредственно решениями Конгресса; 2) пожертвования коммерческих фирм, вносимые в обмен на выгодные госконтракты и протекционистские меры; 3) возможность создавать для своих сторонников рабочие места в госсекторе и на госу-

дарственной службе; 4) «добровольные» пожертвования госслужащих, обязанных партии занимаемой должностью; 5) использование административных ресурсов государства в ходе избирательных кампаний (с. 100—101).

Главным из этих ресурсов, считает Грин, была возможность пользоваться средствами госпредприятий. Он напоминает, что с 1930-х и до начала 1980-х годов экономика Мексики развивалась по модели трудоинтенсивной импортозамещающей индустриализации, предполагающей наличие крупного государственного сектора. На пике своего развития государственные предприятия производили 22,3% ВВП, а число занятых на них достигало 3 млн. человек, или 10% всей рабочей силы, с учетом же учреждений и агентств нефедерального уровня — 5 млн. человек (16,5% рабочей силы) (с. 101).

Все это позволило ИРП создать широкую патронажную сеть, с помощью которой она покупала поддержку избирателей. Регулярные атаки оппозиции отбивались путем перехватывания ее лозунгов и изменения публичной риторики, а также демобилизации оппонентов репрессиями или перекупкой их избирателей (с. 114). Причем основной упор делался не на репрессии или фальсификацию результатов выборов, а именно на скупку голосов и политическое маневрирование. За время своего 70-летнего доминирования ИРП успела побывать и левой, и правой партией: бывали времена, когда она интенсифицировала государственное вмешательство в экономику; бывали и такие, когда она больше благоволила рыночному саморегулированию. В целом партия не уходила далеко от первоначально избранных позиций — чуть левее центра; если же, как, например, в 1940-х годах, она смещалась вправо, то в оправдание своего курса прибегала к риторике «революционного национализма» (с. 73).

Оппозиции же мешало консолидироваться то обстоятельство, что в вопросах экономической политики различные ее дивизионы расходились по противоположным полюсам политического спектра — по разные стороны от занимающей центр ИРП (с. 7). В числе прочего этому способствовало то, что из-за низких шансов на победу и высокой цены участия оппозиционные партии вынуждены были сосредотачиваться на вопросах, имеющих отношение к второстепенным размежеваниям (например, «церковь — государство»³), а в центральном размежевании, касающемся экономических проблем, придерживались крайних позиций (с. 97).

Соответственно, и пополнялись ряды оппозиции только яростными противниками существующего строя, что определило всю ее последующую историю: даже после изменения в 1980—1990-х годах политической ситуации актив оппозиционных партий состоял в основном из радикалов, ориентированных на работу с «ядерным» электоратом и не способных выйти за его рамки (с. 169). Этим «нишевым» партиям были присущи высокие требования к вступающим, тесные и, как правило, персонализированные связи с избирателями, специфическая риторика, «бункерный» менталитет, клубный характер внутрипартийных отноше-

³ В данном случае речь идет о возникшей в конце 1930-х годов партии противников антиклерикальной политики государства — *Partido Acción Nacional* (Партия национального действия).

ний, атмосфера жертвенности, морального ригоризма и идеализма (с. 175). «Интенсивная» модель экспансии, отдающая предпочтение качеству новых членов перед их количеством, сильно замедляла их рост (с. 175).

Начавшийся в 1982 г. кризис заставил руководство Мексики либерализовать экономический курс и сократить государственный сектор с 22,3% в 1983 г. до 5,5% в 2000-м. Это подорвало базу созданной ИРП патронажной системы. В частности, сократились возможности партии покупать поддержку избирателей путем распределения рабочих мест, уменьшились организационные возможности ее «секторных» организаций, объединяющих городских рабочих, селян, служащих и т.п. (с. 102—104). Приватизация госпредприятий, увеличение государственного финансирования избирательных кампаний, введение финансовой отчетности партий, установление лимитов на расходование средств, запрет на пожертвования со стороны государственных организаций и учреждений, а также ограничения на частные пожертвования заметно сократили неравенство в возможностях правящей и всех прочих партий (с. 114), однако не привели к немедленному росту влияния оппозиционных сил. Последние в глазах электората выглядели или слишком правыми, или слишком левыми.

Пришедшее в оппозиционные партии новое поколение активистов, настроенное на работу с более широким электоратом, наталкивалось на сопротивление «старой гвардии», сохранявшей приверженность прежним моделям поведения. Внутрипартийные конфликты между разными поколениями партийцев затрудняли координацию действий оппозиции и служили причиной ее поражений на выборах (с. 175).

Перелом произошел только во второй половине 1990-х годов. В 1997 г. ИРП утратила большинство в Конгрессе, а в 2000 г. кандидат от ПНД Висенте Фокс выиграл президентские выборы. Этому предшествовали определенные изменения в структуре политических размежеваний. С целью выявления этих изменений Грин проанализировал данные опросов, проведенных в конце 1990-х годов среди лидеров и активистов основных мексиканских партий. По его оценке, пространство политической конкуренции в Мексике являлось двухмерным: первое размежевание отражало противостояние рыночных либералов и дирижистов (26,8% объясненной вариации), второе — «демократизаторов» и авторитаристов (22,4%). В первом случае на полюсах разместились про-рыночная Партия национального действия и дирижистская Партия демократической революции (Partido de la Revolución Democrática); ИРП — посередине. Во втором самой «авторитарной» (хотя и близкой к центру) оказалась ИРП; ПНД и ПДР продемонстрировали тяготение к демократическому флангу (с. 142—143).

Следов присутствия социорелигиозного размежевания Грин практически не обнаружил. Однако, как представляется, так получилось потому, что он объединил в одну группу вопросы о роли церкви в общественном образовании и об отношении респондентов к смертной казни и абортам (с. 144—145). Из них только по вопросу об абортах обозначи-

лись антагонисты — ПНД (категорически против) и ПДР (терпимое отношение); ИРП — посередине (с. 144). Пункт о роли церкви в образовании вообще не выявил заметного размежевания, а сторонников смертной казни в «католической» ПНД (2,42 по 5-балльной системе) оказалось почти столько же, сколько в «социалистической» ПДР (2,2) и значительно меньше, чем в «светской» ИРП (3,46) (с. 144—145).

Но правомерно ли было использовать вопросы о роли церкви в общественном образовании и об отношении к смертной казни в качестве значимых индикаторов? Первый вопрос давно утратил актуальность в странах с преимущественно христианским населением. Что касается отношения к смертной казни, то ее яростных сторонников и противников можно встретить как среди верующих, так и среди неверующих. В Мексике же, судя по всему, ответ на этот вопрос зависел, помимо прочего, от отношения к режиму: оппозиция видела в смертной казни инструмент, который может быть обращен против нее самой. А вот вопрос об абортах по-прежнему четко проводит грань между верующими и неверующими. Так что, если бы Грин ограничил группу «социорелигиозных» вопросов одним этим пунктом, он без труда выявил бы соответствующее размежевание.

Другое дело, что по значимости оно все равно уступало первым двум — это видно хотя бы из того, что «режимное» размежевание фактически увело из «социорелигиозной» плоскости пункт об отношении к смертной казни. Да и само по себе сжатие сферы влияния религии на общество лишь до вопроса об абортах говорит о существенном ослаблении данного размежевания.

В любом случае тот факт, что «режимное» размежевание по своей значимости практически сравнялось с экономическим, свидетельствовал об усилении противников режима и появлении у них реальных возможностей прийти к власти. Однако чтобы завоевать центристский электорат — а к таковому относил себя более половины избирателей (с. 176), нужно было выйти за пределы прежних партийных ниш.

Победу на президентских выборах 2000 г. кандидата от ПНД автор объясняет как раз тем, что тот сумел добиться достаточно высокой степени независимости, включая финансовую, от собственной партии. Это позволило ему обратиться к тем слоям центристского электората, которые ждали политических перемен, но для которых позиции ПНД и ПДР были слишком крайними. Фокс сделал упор на новейшие избирательные технологии (с активным использованием СМИ), а в ходе агитации — не на экономическую тематику, а на тему демократизации режима. Благодаря этому ему удалось сформировать своеобразную «коалицию перемен», объединившую электорат ПНД, избирателей, не поддерживавших ни одну из партий, и значительную часть избирателей ИРП и ПДР. Кандидат от ПДР Куаутемок Карденас, напротив, был слишком тесно связан со своей партией, в том числе финансово, и по традиции фокусировал внимание на вопросах экономической политики, тогда как представитель ИРП Франсиско Лабастида показался избирателям недостаточно демократичным (с. 253). В итоге победа доста-

лась Фоксу; тем самым была поставлена точка в 70-летней истории доминирования Институционно-революционной партии.

Опробовав свою концепцию на материале мексиканской партийной системы, Грин проанализировал с ее помощью и опыт ряда других стран, причем как тех, чьи партийные системы он относил к авторитарным доминантным (Малайзия, Тайвань), так и тех, которые он характеризовал как демократические доминантные режимы (Япония, Италия). Везде он обнаружил ориентирующиеся на широкие слои электората доминирующие партии, которые противостояли «нишевым» оппозиционным партиям, занимавшим крайние позиции в основных размежеваниях либо ориентировавшимся на второстепенные вопросы повестки дня. Во всех случаях, по мнению автора, подобную ситуацию обуславливало прежде всего использование правящими партиями возможностей государства и ограниченность ресурсов оппозиционных сил, вынужденных вербовать актив и привлекать избирателей на сугубо программной, идеологической основе (с. 295).

Источники и методы распределения материальных ресурсов могли варьировать, но доминирующие партии всегда использовали в своих целях экономические ресурсы государства. В одних странах (Мексика, Малайзия, Тайвань) роль дойной коровы играли государственные предприятия, которые либо тайно переводили средства в партийную казну, либо обеспечивали сторонников правящих партий работой и выгодными контрактами; в других (Япония и Италия) доминирующая партия перераспределяла бюджетные средства в пользу лояльных избирательных округов; и везде без исключений власть поощряла пожертвования частного бизнеса в фонды правящих партий в обмен на государственные контракты и протекционистские меры (с. 295—296).

Такова в общих чертах предложенная Грином концепция. Она, безусловно, помогает по-новому взглянуть на функционирование доминантных систем. Акцент на «ресурсной» подоплке партийного доминирования во многом выглядит оправданным — особенно в тех случаях, которые проанализированы в книге.

«Ресурсную» концепцию в какой-то мере можно применить и к российской ситуации. Политическая система, существовавшая в нашей стране до конца 1980-х годов, предполагала тотальную экономическую зависимость населения от государства. По мере того как государство утрачивало способность удовлетворять экономические потребности граждан, сила монополюльно правящей партии таяла. Краху этого государства, приватизации госсобственности и невыполнению новой властью протекционистской роли по отношению к социально незащищенным слоям населения сопутствовали хаос в партийно-политическом пространстве и отсутствие устойчивого большинства в парламенте. И напротив, возобновление активного вмешательства государства в экономику в 2000-х годах сопровождалось построением доминирующей партии, электорат которой составили прежде всего люди, зависящие от бюджетной поддержки, — пенсионеры, госслужащие, работники бюджетной сферы, персонал государственных предприятий или предприятий, вы-

полняющих государственные заказы либо стремящихся такой заказ получить, и т.п.

Однако в «ресурсной» концепции присутствуют и некоторые смущающие моменты. В трактовке Грина партийное доминирование предстает результатом злоупотребления доминирующей партией своим властным положением. То, что такое злоупотребление очень часто имеет место, — спорить не приходится, и автор привел немало убедительных тому доказательств. Но только ли в злоупотреблении дело? И является ли оно главной причиной партийного доминирования?

Если исходить лишь из того, что сказано Грином, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Тем не менее есть один случай, который автор обошел вниманием, и, кажется, неспроста. Речь о Швеции, в которой Социал-демократическая рабочая партия 44 года подряд оставалась правящей. Но при этом в Швеции не произошло масштабной национализации, а СДРПШ не была замечена в использовании в своих интересах государственных средств — благодаря, в частности, развитой системе гражданского контроля. Так, может быть, дело не в злоупотреблениях, а в фундаментальных характеристиках обществ, порождающих доминантные системы?

Слабое место «ресурсной» концепции партийного доминирования, на мой взгляд, заключается в том, что она игнорирует связь между использованием правящей партией экономических возможностей государства и ее положением в политическом спектре, представляя эти факторы в качестве самостоятельных сущностей. Но в действительности это, как правило, две стороны одной медали. Положение доминирующей партии в политическом спектре и успешное использование ею экономических возможностей государства тесно связаны друг с другом и отражают общественный запрос на перераспределительную политику государства, во многих случаях откровенно патерналистскую по отношению к широким слоям электората. Этот запрос, однако, не влечет за собой тотального контроля государства над частной жизнью граждан. Тем самым очерчиваются пределы сегмента, занимаемого доминирующей партией на оси экономического размежевания: зайдя слишком влево, она рискует оказаться в зоне, где государственный протекционизм перерастает в государственный тоталитаризм, а сдвинувшись слишком вправо, может потерять значительную часть электората.

Устойчивость доминантной системы зависит поэтому от наличия и объема электората, предъявляющего запрос на социально-протекционистскую политику, с одной стороны, и от способности доминирующей партии балансировать между удовлетворением этого запроса и поддержанием приемлемых темпов экономического роста — с другой. Если доля соответствующим образом настроенных избирателей недостаточно велика, доминантная система не сложится, если же партия не проявит нужной гибкости и дееспособности, она не сможет сохранить доминирующее положение на протяжении сколько-нибудь долгого времени.

В Мексике запрос на социально-протекционистскую политику государства был весьма велик — судя по тому, что даже после того, как

ИРП, переусердствовав в предпочтениях для своих сторонников, привела экономику к кризису 1982 г., избиратель еще полтора десятилетия отдавал предпочтение олицетворяемой партией модели развития и, лишь убедившись, что модель больше не работает, стал отказывать ИРП в поддержке. Причем, учитывая, что основным бенефициаром изменений стала правая ПНД, следует предположить, что в Мексике имело место некоторое поправление центристского электората — в противном случае выигрыш достался бы левой ПДР.

Необходимость балансировать между удовлетворением запроса на социальный протекционизм и обеспечением экономического роста объясняет, зачем доминантной системе нужны значимые выборы: без них она просто не сможет нащупать правильный баланс между крайностями. Будет ли при этом доминирующая партия злоупотреблять властными полномочиями, зависит от того, насколько ей это позволит само общество. В Швеции общество оказалось гораздо строже к правящей партии, чем в странах, послуживших предметом исследования Грина.

Рассмотрим теперь, в чем мексиканский опыт близок к российскому. Как уже отмечалось, параллелей находится немало. Отметим также специфическую расстановку сил: обширный центр и прилегающие территории заняты «партией власти», оппозиция загнана в ниши: левая — в сталинистскую, правая — в либеральную; из популистов на политической сцене оставлена только послушная ЛДПР. Попытки оппозиции выйти за пределы своей ниши жестко пресекаются, поэтому в парламенте представлены только те партии, которые и не предпринимают попыток прорыва. Победа «партии власти» на выборах обеспечивается прежде всего за счет административного ресурса, к которому можно отнести в том числе покупку поддержки избирателей, зависящих от государства (пенсионеры, госслужащие, бюджетники, работники госпредприятий и т.п.).

Полного совпадения, однако, не обнаруживается. Грин, в частности, отмечает, что мексиканская государственная бюрократия вплоть до конца 1990-х годов находилась под жестким контролем ИРП, которая ведала назначением, увольнением и продвижением госслужащих по карьерной лестнице — либо напрямую, либо через «секторные» организации (с. 99). Нечто похожее, причем в еще более явном виде, имело место в Советском Союзе, но в постсоветской России ни о каком контроле «партии власти» над государственными органами речи нет и быть не может — напротив, сама «Единая Россия» (как и ее предшественники) является марионеткой в руках стоящей за нею бюрократии. «Партия власти» в постсоветский период никогда не была самостоятельным субъектом политической жизни, но послушно выполняла спущенные ей исполнительную властью директивы⁴. Так что в России мы имеем не доминирующую партию, а псевдодоминирующую, и не доминантную систему, а псевдодоминантную.

Кроме того, по определению Грина, доминантная система подразумевает наличие пусть несправедливых, но все-таки значимых выборов, предполагающих: 1) избрание регулярным всенародным голосо-

⁴ Подробнее об отсутствии признаков политической субъектности в «Единой России» см. Коргунок 2009.

нием главы исполнительной власти и законодательного органа, который не может быть распущен по воле исполнительной власти; 2) закрепление за оппозицией права на создание самостоятельных партий и на участие в выборах; 3) невозможность для правителей постоянно переписывать правила игры с целью укрепления своего доминирующего положения (с. 13).

От первого правила в России действует лишь половина. Глава исполнительной власти и нижняя палата парламента действительно избираются всеобщим голосованием, и выборы действительно проводятся регулярно, но Госдума может быть распущена президентом, то есть главой исполнительной власти. Более того, начиная с 2005 г. президент может распустить не только Госдуму, но и любое региональное законодательное собрание — в случае отказа последнего утвердить предложенную Кремлем кандидатуру губернатора. То, что единственной реальной властью в нашей стране является власть исполнительная, а все остальные ветви суть бюрократия второго сорта, — аксиома, не нуждающаяся в доказательствах.

Второе правило не действует с середины 2000-х годов. Сегодня на политической сцене остались только те партии, которые получили на это разрешение Кремля. Многие раздражавшие исполнительную власть организации были лишены регистрации, другие принудительно слиты с подконтрольными президентской администрации структурами, причем в роли инструмента принуждения использовалось недопущение к выборам. Сегодня в Российской Федерации практически невозможно зарегистрировать оппозиционную партию, а также принять участие в выборах вопреки воле исполнительной власти.

Наконец, третье правило перестало действовать после того, как в Госдуме было сформировано подконтрольное исполнительной власти большинство (2001). С тех пор избирательное законодательство у нас меняется едва ли не ежегодно, и каждый раз в пользу федерального центра и «партии власти». Ради укрепления политической монополии Кремля были отменены выборы губернаторов, запрещены избирательные блоки, упразднены графа «против всех» и норма о минимальном уровне явки и т.п.

Да и фальсификации на выборах в последнее время достигли такого масштаба, что уже трудно определить, побеждает ли «партия власти» накануне дня голосования — или же в результате вброса бюллетеней. Характерно, что условиями успешной фальсификации итогов выборов Грин называет слабость общественных механизмов наблюдения за выборами, отсутствие независимого суда, контроль власти над средствами массовой информации и наличие ресурсов, необходимых для постоянной «смазки» механизма кражи голосов (с. 43). Все это у нас представлено в полном объеме: система избирательных комиссий давно уже стала машиной по обеспечению результатов, нужных власти; о независимом и беспристрастном суде остается только мечтать; контроль Кремля над федеральными СМИ, в первую очередь электронными,

действует безотказно; на скудость ресурсов ни власть, ни состоящая при ней партия ни разу не жаловались.

Таким образом, для России мексиканская система тридцатилетней давности — прямо-таки идеал демократии. Причем все последнее десятилетие мы движемся не к нему, а от него. И понятно почему.

Говоря о выборах в Мексике в период правления ИРП, Грин не упоминает о том, что они служили своего рода гарантией против персонализации власти — этого бича мексиканской политики XIX в. Несмотря на то что конституции 1824 и 1857 гг. во многом копировали конституцию США, на практике Мексика мало напоминала своего северного соседа, поскольку в ней то и дело устанавливались персоналистские режимы. Последний из них (режим Порфирио Диаса) продержался около 30 лет и пал только в ходе революции 1910—1917 гг., после чего новой конституцией был введен запрет на повторное избрание глав всех ветвей власти — именно с целью предотвратить установление подобных режимов. Однако неперенным условием действенности этой нормы является значимый характер выборов. Они не должны превращаться в фикцию, ибо мировой опыт пока не знает систем, в которых имела бы место эффективная ротация высших руководителей при отсутствии реальных выборов (попытка построить такую систему предпринимается в Китае, но удастся ли она, покажет время). Правящая элита Мексики согласилась на конкурентные выборы не столько для отслеживания изменений в общественных настроениях (хотя и для этого тоже), сколько для того, чтобы не допустить появления нового Диаса.

В России же (псевдо)доминантная система, напротив, формировалась в условиях сосредоточения власти в руках одного человека — президента Владимира Путина. И если мексиканская элита укрепляла институты ради недопущения персонализации власти, то у нас происходило прямо противоположное: ради укрепления личной власти институты выхолащивались и разрушались. В итоге мы получили гипертрофированное влияние лиц и практически бездействующие институты, в первую очередь выборные. Ведь и рост фальсификаций в ходе последних региональных кампаний связан прежде всего со стремлением губернаторов сохранить свои посты, поскольку единственное, что обеспечивает устойчивость их положения, — это способность «нарисовать» «Единой России» нужные результаты.

Другими словами, в сегодняшней России как нельзя полнее реализовался принцип, сформулированный Карлом Марксом: «Государство — частная собственность бюрократии». В этих условиях несколько наивными выглядят рекомендации Грина относительно мер, которые могли бы ограничить гипервозможности доминирующей партии: независимый (международный) финансовый аудит государственных предприятий, запрет на предпринимательскую деятельность партий и на финансовые пожертвования партиям со стороны государственных учреждений, профессионализация государственной службы, наделение избирательных комиссий надзорными функциями, в том числе правом

контроля над доходами и расходами партий и правом применять санкции к нарушителям (с. 309).

Подавляющее большинство этих норм предусмотрено российским законодательством — за исключением разве что независимого аудита госпредприятий и запрета на предпринимательскую деятельность партий, каковая, впрочем, ограничена довольно жесткими рамками и не приносит особых доходов. Да и госпредприятия в наших условиях — источник не столько прибыли, сколько убытков, и их роль в пополнении казны «партии власти» никогда не являлась решающей. Однако когда не решен вопрос о том, кто должен «контролировать контролера», все эти нормы работают не на выравнивание условий конкуренции, а на ее ограничение в пользу главного игрока.

И тем не менее некоторые уроки из мексиканского опыта Россия могла бы извлечь. Прежде всего это касается поведения оппозиции, которая в настоящий момент раздроблена и загнана в резервации. Власть, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», регулярно ссорит между собой «левых» и «правых», подпитывая бесконечные споры о советском прошлом, фигуре Сталина и т.п., ибо хорошо знает, что в этих вопросах никогда не будет консенсуса. Оппозиционеры же каждый раз глотают наживку и дают втянуть себя в бесплодные дискуссии, еще больше отдаляясь друг от друга и замыкаясь в собственных нишах.

Мексиканский же опыт показывает, что, лишь отказавшись от «нишевой» политики и двигаясь по направлению к массовому избирателю, оппозиция может избавиться от клейма вечного проигравшего. Движение к массовому избирателю невозможно без одновременного сближения различных отрядов оппозиции. Оппозиционерам, если они, конечно, хотят когда-нибудь победить, пора перестать подыгрывать власти и перейти к выработке компромиссных подходов. Именно этому учит нас история мексиканской партийной системы вообще и книга Грина в частности.

Библиография

Гельман В.Я. 2006а. Перспективы доминирующей партии в России // *Pro et Contra*. № 4.

Гельман В.Я. 2006б. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // *Общественные науки и современность*. № 1.

Голосов Г.В. 1999. *Партийные системы России и стран Восточной Европы: Генезис, структура, динамика*. М.

Калинин К.О. 2006. Социетальные размежевания и электоральное поведение в России (1993—2003) // *Общественные науки и современность*. № 5.

Коргунюк Ю.Г. 2009. Уничтожение субъектности («Единая Россия» как партийная организация: становление и инволюция) // *Полития*. № 1.